

Лингвистика и смех

Jozef Sipko, Filozofická fakulta PU, sipkojoz@unipo.sk

Ключевые слова: язык, смех, афоризмы, глаголы, двусмысленность, полисемия.

Kľúčové slová: jazyk, smiech, aforizmy, homonymá, slovesá, dvojzmyselnosť, polysémia.

Введение

Смех как особая форма человеческой коммуникации сопровождает нашу жизнь с первых ее дней. Один из афоризмов гласит, что *жить надо так, чтобы при рождении ты плакал, а остальные пусть смеются от радости, когда будешь умирать, пусть плачут остальные, а ты смейся, что правильно прожил жизнь*. Такая картина смеха ассоциируется с настоящим счастьем, жизнью прожитой справедливо, с пользой для себя и других. Это самый **естественный и здоровый смех**.

В центре нашего внимания находятся **лингвокультурные** средства юмора, комизма, иронии и сатиры в современных русских СМИ, в материалах которых именно с позиции «русского смеха» комментируются в первую очередь события постсоветской эпохи. Вместе с тем в отдельных случаях пытаемся перевести на словацкий язык те фрагменты современного русского смеха, в основе которых находятся многообразные **языковые каламбурные** образования. **Переводы** таких единиц отображают меру адекватности восприятия «русского смеха» в словацкой среде. Как показывают наши иллюстрации, все тонкости, намеки, коннотации и каламбуры можно приблизить другими коммуникативными приемами, поскольку их перевод зависит от этнокультурных особенностей текста и внутрilingвистических связей в русском языке.

При **перводе** единиц, которые содержат в себе каламбурные языковые образования, базирующиеся на **внутрilingвистических** связях языка источника, необходимо данные связи перенести также в язык перевода, поскольку языковые каламбуры являются главным носителем авторского замысла. Довольно регулярно названные образования употребляются в современной прессе, что представляет собой сигнал определенного комизма, иронии и вообще осмеяния избранных объектов в постсоветской России. В данной статье пытаемся проиллюстрировать типичные жанры современного русского смеха главным образом из «Независимой газеты», «Комсомольской правды», «Московского комсомольца», «Литературной газеты» и др. При этом обращаем внимание на соответствующий **общественный контекст** и в отдельных случаях пытаемся перевести данные фрагменты текста на словацкий язык. Это касается тех единиц, которые содержат в себе внутрilingвистический потенциал смеха.

Смех в афоризмах и репликах

В современной российской прессе употребляются известные **афоризмы** и **устойчивые словосочетания** с некоторыми трансформациями и **переосмыслением** обычно в целях сатирического изображения современных реалий. Первичный положительный содержательный план таких афоризмов трансформируется в отрицательное содержание благодаря каламбурной игре, основанной на звуковой и ритмической близости отдельных слов.

Всеобщая атмосфера **экономических трансформаций** и переход имущества в частные руки долгие годы вызывали в широкой общественности недоверие. Напомним только известный окказионализм, образованный на основе слова *приватизация*,

который в русском языке стал функционировать гораздо чаще, чем его возможный словацкий эквивалент: *прихватизация* – *uchmatizácia* (от глаголов *прихватить* – *uchmatnúť*). Аналогичные авторские неологизмы, как правило, содержат в себе богатую косвенную отрицательную оценку описываемых реалий. В русском языке уже в начале 1990 годов известным окказионализмом стала лексема *катастройка*, в смысловом центре которой было недоверие к процессам, вызванным *Горбачевской перестройкой*. Тот же фон **недоверия** по отношению к экономическим реформам в постсоветскую эпоху содержится в трансформированном афоризме:

Блажен не тот, кто верует, а тот, кто ворует. – *Blažený je nie ten u koho je viera, ale ten, kto ľudí zdieľa.*

Находим целый ряд **словообразовательных приемов**, в рамках которых отдельные лексемы образуются от одной и той же основы. В следующем заголовке, в котором критикуется объективность современных судов, употреблены слова, которым в словацком языке соответствуют единицы с другой основой: *присяжный* – *prísediaci, porotca.*, *присягать* – *prisahať*. Поэтому и перевод на словацкий язык при соблюдении точного первичного смысла лишен языковой игры, основанной на звуковом и словообразовательном сходстве русского оригинала:

Кому присягают присяжные? – *Komu prisahajú porotcovia?* (*prisahajúci*).

В некоторой степени можно включить в языковую игру в словацком варианте причастную форму от глагола *prisahať*: *Komu prisahajú prisahajúci porotcovia?* или усилить данный звуковой и словообразовательный показатель тремя словами с одинаковым первым слогом: *Komu prisahajú prisahajúci prísediaci?*

Перед зимним сезоном необходимо менять на автомобилях *шины*, поскольку летние представляют собой большую опасность. На это обращают внимание водителей посредством фразеологизма, в котором слово *мина* заменено словом *шина*. Словацкий вариант зависит от выражения *časovaná bomba*:

Шина замедленного действия. – *Letná pneumatika – časovaná bomba..*

В наше время многие фирмы в целях своей экономической эффективности разрешают своим сотрудникам брать *работу на дом*. Данное выражение для некоторых профессий может быть тоже многозначным, поскольку выражение *работать на дому* является двусмысленным, т.е. «работать дома» и «проводить строительные работы около дома»: *Объявление в газете:* «бульдозерист 6-го разряда ищет **работу на дому**». – *Oznam v novinách:* «buldozerista 6. triedy hľadá prácu, ktorú bude vykonávať v dome».

По своему относятся к проблемам своих пациентов психологи. Главный их прием – это *выслушивание* монолога пациента:

Вечер, море, пустынный пляж. Два психолога отдыхают, пьют пиво. Слышат крик тонущего мужчины: «Помогите! Помогите!» *Один психолог говорит:*

- Кажется, у мужчины **проблема**.

- Да, но главное – **он уже говорит о ней**

Омонимы как богатый источник смеха

На **омонимах**, то есть на словах с одинаковым звучанием, но разным значением, созданы многие **анекдоты и каламбуры**. Их суть заключается в мнимом **непонимании** авторского замысла собеседником, когда первый партнер имеет в виду одно значение, а второй – другое, то есть, значение его омонимической пары. Это «**недоразумение**» создает комический эффект, поскольку второй партнер выступает в позиции более менее наивного, иногда даже умственно ограниченного человека. Русское слово *коса* имеет значение орудия действия, с которым можно косить траву, вместе с тем это еще и длинные волосы у девушки. Русско-словацкие пары в данном

случае не создают омонимических возможностей в словацком языке: *kosa-kosa, kosa-vrkoš*. В русском языке омонимия слова *kosa* встречается в анекдоте:

Учительница в школе спрашивает:

- Кто приходит с Дедом Морозом на Новый год?

Вовочка молчит.

- Ну кто эта девушка с косою?

- Смерть.

Естественно, учительница имеет в виду *девушку с косою (vrkošom)* – Снегурочку. В словацком языке можно употребить и аналогичное слово с уменьшительным значением в вопросе учительницы: *Kto je tá dievčína, čo má na pleci dlhú kosičku?* В «Русском ассоциативном словаре» (РАС) (2002, с. 271) оба значения представлены равноценно с соответствующими ассоциациями: *kosa – смерть, kosa – волосы девушки*:

КОСА – длинная, на камень, русая, острая, трава, **волосы**, до пояса, девичья краса, девушка, деревня, красивая, луг, поле, пшеница, **смерть**, железная, женская...

Семантическое богатство языковых единиц поистине безгранично. Потенциал любого языка предоставляет человеку возможность изобразить любую идею посредством прямых и косвенных языковых единиц. Излюбленным приемом двусмысленной коммуникации являются вроде бы случайные полисемические пары, благодаря которым удается найти оправдание собственным неблагородным поступкам. Глагол *стрелять* употребляется в русском и словацком языках в метафорических значениях, которые прямо не совпадают, но в данном анекдоте их можно употребить в качестве этнокультурных эквивалентов:

Звезды определяют судьбу. Родился под знаком Стрельца – и до самой пенсии был вынужден стрелять у сослуживцев деньжат до получек. – Hviezdy predurčujú náš osud. Ten, kto sa narodil v znamení Strelca, až do samotnej penzie bol nútený si strieľať zo svojich kolegov tým, že in nevracal požičané peniaze.

Наречия можно воспринимать тоже противоречиво в зависимости от интонации:

Разговор отца и сына на вокзале.

- Сынок, не увлекайся там в столице девочками.

- Ну что ты, папа, **как можно!**

- **Как можно**, я тебе вчера рассказывал, но все равно не увлекайся.

Омонимия глаголов

Как самая богатая часть речи с богатыми словообразовательным и семантическим потенциалом глаголы предоставляют безграничные возможности для языковой игры. Русский глагол *бить* и производные от него глаголы содержит многие значения часто с противоположным смыслом. В словацком языке в нашем переводе нет полной омонимии, скорее посредством звукоподобных глаголов можно говорить об омофонии:

- Василий, как вы **добились** такой гармонии в семье?

- Ну, **бил, бил и добился!**

- *Vasil', ako ste sa **dopracovali** k takej harmónii v rodine?*

- *Nuž, **palicoval** som ich, až som sa dopalicoval.*

Глагол *коснуться* содержит в зависимости от контекста тоже антонимические смыслы:

*Электрика дядю Васю кризис никак не **коснулся**, потому что его **коснулся** оголенный провод напряжением десять тысяч вольт. – Elektrikára strýčka Vasil'a sa kríza vôbec **nedotkla**, pretože sa ho **dotkli** odizolované drôty s napätím desať tisíc voltov.*

Глагол *потрясать* кроме значения «удивлять» употребляется и в первичном значении «трясти». Попробуем это переосмыслить по-словацки с маленькими отклонениями от исходного русского оригинала:

- У вас **потрясающая** фигура.
- Да, я думаю, что у меня есть чем **потрясать**.
- *Od Vašej postavy sa chlapi trasú.*
- *Viem, ved' mám čím **natriasat'**.*

Русский глагол *трясти* имеет и другие значения – *меня лихордит, чувствовать себя плохо*, что соответствует словацкому *trasie ma, cítim sa zle*. Но *трясти* человека могут и органы безопасности, прокуратуры и т.п. Данные значения легли в основу следующего «недоразумения»:

- *Что-то меня сегодня **трясет**.*
- *Лихорадка?*
- *Прокуратура.*
- *Akosi sa dnes **trasiem***
- *Od horúčky?*
- *Od strachu z prokuratúry.*

У врача на медосмотре нас для начала обычно *послушают*. *Послушать* можно и песни, но поющая пациентка представляет собой все-таки смешное лицо:

На приеме. Доктор:

*Ну-с, милочка, поделись? Давайте я вас **послушаю**.*

- *Ой, цветет калина-а-а-а,*
- В поле у ручья...*

В словацком языке врачи тоже обращаются аналогично:

*No, milá pani, vyzliekli ste sa? Nech Vás **poročívam**.*

- *A okolo Levoči-i-i-i,*
- *Tam sa voda točí...*

Глагол *появиться* и его дериваты могут вызвать разные эмоции:

*Может ли **появление** ребенка в семье стать причиной конфликтов? Может, если этот гаденыш **появился** поздно и пьяный.*

Богатство форм русского глагола, его префиксально-суффиксальные варианты, создают предпосылки для многообразных смысловых оттенков. Исходная форма глагола *жить* позволяет образовать новые глголы с антонимическим содержанием, которое определяет социальное расслоение жителей в эпоху *кризиса*. Аналогичные возможности создает и словацкий глагол *žiť*:

*Социологический опрос. Чтобы отнести вас к определенной категории населения, ответьте, пожалуйста, на короткий вопрос: В настоящий момент вы **доживаете, выживаете, живете, наживаете?** – Sociologický výskum. Aby sme vás mohli zaradiť ku konkrétnej kategórii obyvateľstva, odpovedzte, prosím, na krátku otázku: V súčasnosti **dožívate, prežívate, žijete, užívate si?***

С глаголом *показать/ukázať* и его дериватами можно в русском и в словацком языках добиться многих сюрпризов, в том числе спортивных и:

*На **показательных выступлениях** победила гимнастка Сидорова. Она **показала больше всех**. – Na **ukážkovom vystúpení** zvíťazila gymnastka Sidorovová, ktorá **ukázala najviac**.*

В другом случае неожиданными результатами закончились соревнования по легкой атлетике благодаря дериватам глагола *метать/hádzať*:

*На соревнованиях по **метанию молота** смешнее всего **метались зрители** б-го сектора, куда и летел молот... – Na pretekoch v **hode kladivom** sa **najsmiešnejšie hádzali diváci** v šiestom sektore, kde dopadlo kladivo...*

Простая необразованная русская служанка, наверное, не подозревает, что создает двусмысленные каламбуры, обращаясь вечером к своему барину:

*Барин, я постелила, идите **угнетать**. – Pane, uštlala som vám, **môžete utláčať**.*

Русский глагол *стоять/stát'* также богат своей полисемией. Несмотря на серьезную обстановку, реплику с данным глаголом можно *не так понять*, как задумывал автор в настоящей истории, где *падали* декорации прямо в студии, а они должны были *стоять/stát'*:

Советские времена, единственный телеканал, новости. В студии диктор. Во время прямого эфира внезапно декорации падают. Диктор не смущается и продолжает выпуск. Во время репортажа декорации восстанавливаются и все бы ничего, да диктор в конце выпуска новостей, прощаясь, говорит такую фразу: «...и желаю вам, чтобы у вас никогда не падало то, что должно стоять...» – «a želám vám, aby vám nikdy ne padalo to, čo má stáť'...»

Двусмысленное восприятие первичного высказывания возникает на базе одинаковых словообразовательных моделей в таких глаголах, как *отчитывать – vyučítat', отпеть – rochovať'* в той ситуации, где начальник все время *отчитывает* подчиненного. Он его обещает и *отпеть*, наверное, не в буквальном смысле слова. При переводе на словацкий язык можно употребить омонимию глаголов *vyhadzovať' – vyhodit'*:

- Почему вы все время меня *отчитываете*?

- Если хотите, то могу и *отпеть*.

Prečo mi stále niečo vyhadzujete na oči?

Keď chcete, môžem Vás vyhodit' na ulicu.

Русский глагол *поступить* своей полисемией создает в соответствующем контексте противоположные возможности для оценки того, кто *поступил*:

Поступил в МВД. Нехорошо поступил! – Robí na Ministerstve vnútra. Nedobre robí.

Глагол *сидеть/sediť* располагает такими же возможностями:

- Алло, ты где?

- В тюрьме.

- За что?

- Родители уехали, просили с братом *посидеть*.

- Halo, kde si?

- Vo väzení.

- Prečo?

Rodičia odcestovali a prosili ma, aby som si posedel s bratom.

Глагол *снять* со своей полисемией предоставляет определенные возможности в дорогостоящей Москве. Но в словацком языке аналогичный глагол нам не удалось найти:

Снять недорогую квартиру в Москве можно только на фотоаппарат. – Získať lacný byt v Moskve možno iba na fotke.

Глагол *реанимировать* становится метафорой в ожидании смерти богатого дядя. Почти как у Пушкина *...Когда же черт возьмет тебя*:

Мой дядюшка – хороший человек, и цены бы ему не было, если бы умел грамотно составлять завещание, а то все реанимирует его и реанимирует...

Заклучение

Великий древнегреческий баснописец Эзоп был в свое время рабом. Его господин однажды ему поручил, чтобы приготовил блюдо из самого красивого продукта. Эзоп приготовил блюдо из – *языка* и обосновал свой выбор тем, что *языком* можно выражать любовь и другие самые красивые чувства, мысли и т.д. Следующий раз ему опять было поручено, чтобы приготовил блюдо на этот раз из самого плохого продукта. Эзоп опять приготовил блюдо из *языка*. И тоже нашел объяснение – *языком* люди выражают ненависть, объявляют войны, сквернословят, проявляют свои худшие качества (Кессельман, 2007). И действительно, язык содержит в себе потенциал для

многообразной коммуникации, которая содержится в русской поговорке: *Слово лечит и калечит*. В полной мере это относится и к объекту нашего исследования – к смеху. Им можно порадовать и обидеть, возвышать и унижать и по Пушкину: *Глаголом жещь сердца людей*.

Общественные конфликты, базирующиеся на целом ряде человеческих недостатков, как правило, вызывают стресс. Именно смех снимает данное напряжение. В данном случае можно говорить о «социофилософском анализе смеха» (Дмитриев, 2005). Кроме этого фактора в приведенных иллюстрациях раскрывается огромный потенциал языковой полисемии, в частности в конкретных разрядах языковых единиц. Указанное качество языка можно востребовать не только в целях «лингвистического смеха», но также в процессе владения языком. Известно, что великие юмористы и сатирики были наделены как раз этими языково-стилистическими способностями. Наша эпоха отличается еще и тем, что в СМИ реально ощущается свобода слова, что тоже в немалой степени содействует развитию юмористических жанров. Одной из основных предпосылок соответствующего восприятия юмористических жанров особенно в иностранной аудитории, являются не только соответствующие языковые способности, но также лингвокультурологическая компетентность. Именно она в богатой мере содержится в жанрах смеха.

Литература

ДМИТРИЕВ, А.В., СЫЧЕВ, А.А. Смех: Социофилософский анализ. Альфа –М. Москва. 2005. ISBN 5-98281-047-9. –С. 592.

КАРАУЛОВ, Ю.Н. и колл. Русский ассоциативный словарь. АСТ. Астрель. Москва. 2002. ISBN 5-17-015421-6. – С. 784.

КЕССЕЛЬМАН, В.С. 1000 исторических анекдотов. Удивительные и малоизвестные факты из жизни знаменитых людей. АСТ. АСТрель. Москва. 2007. ISBN 978-5-271-18301-0— С. 416.

СИПКО, Й. В поисках истинного смысла. FF PU Prešov. 2008. ISBN 978-80-8068-729-8. – С. 444.

СИПКО, Й. Тексты с повышенной этнокультурной коннотацией. FF PU Prešov. 2002. ISBN 80-8068-143-0. – С. 258.

Abstrakt

V práci sa pozornosť sústreďuje na konkrétne lingvistické východiská humoru v súčasných ruských médiách. V prvom rade autor analyzuje polysémiu jednotlivých jazykových jednotiek, ktoré umožňujú vytvárať komické situácie. Na základe ilustrácií je zrejmé, že najbohatší potenciál jazykových kalambúrov je obsiahnutý v slovesách. Väčšinu ruských príkladov autor prekladá do slovenčiny, kde vzhľadom na jazykovú podobnosť ruštiny a slovenčiny sa zväčša dajú nájsť analogické slovenské ekvivalenty najmä vďaka analogickým slovotvorným východiskám ruštiny a slovenčiny. Analyzované humoristické žánre sú sledované aj no pozadí súčasného spoločenského kontextu.

„Táto štúdia, bola vytvorená realizáciou projektu *Vybudovanie lingvokulturologického a prekladateľsko-tlmočnického centra*, na základe podpory operačného programu Výskum a vývoj financovaného z Európskeho fondu regionálneho rozvoja.“